

Т. И. АФАНАСЬЕВА

**ЛИТУРГИЧЕСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ
В СЛАВЯНСКИХ СЛУЖЕБНИКАХ XIII—XV ВВ.:
ЭВОЛЮЦИЯ ЛИТЕРАТУРНОЙ НОРМЫ
И ЦЕРКОВНОГО УЗУСА**

Литургические рубрики в славянских служебниках, описывающие действия священнослужителей во время богослужения, представляют собой очень разнообразные и вариативные тексты. Рубрики, как правило, — тексты очень краткие, лишённые сложных синтаксических конструкций. Это предписывающие тексты, и в них употребляются глагольные формы преимущественно в настоящем времени. Поэтому особый интерес в них представляет лексика, и прежде всего — литургическая терминология. В ее употреблении в служебниках разного времени прослеживается постепенное изменение норм церковного устного узуса, а также норм церковнославянского языка.

Определение понятия «литургическая терминология» в отечественной славистике было введено А. М. Пентковским [Пентковский 2001: 87—90]:

Под литургической терминологией понимается терминология, связанная с христианским культом, которую образуют названия евхаристического богослужения, служб суточного круга, названия отдельных элементов служб, песнопений и молитвословий, названия праздников, предметов церковной утвари и одежд священнослужителей.

Основным формальным делением литургической лексики является деление на грецизмы и латинизмы (прямые заимствования) и собственно славянские слова (в число последних входят также и словообразовательные и семантические кальки). Эти две группы конкурируют с древнейших времен, отражая специфику славянской культурно-языковой ситуации в различных славянских регионах и в разные временные периоды. У славян большинство литургических терминов имело синонимы, т. е. в качестве терминов употреблялись как грецизмы и латинизмы, так и славянские слова (в том числе и кальки): **лнтоургна** / **мыша** / **слоужьба**, **антифонъ** / **съгласиє**, **олтарь** / **жрътвьникъ**. Употребление того или иного термина, как правило, имело свою локальную традицию. Так, например, архаичные грецизмы **есперина** ‘вечерня’, **профитгиа** ‘пророчество’ полно-

стью вытесняются при создании новых переводов богослужебных книг во второй половине XIV в., и, в свою очередь, появляются новые грецизмы, например, **хоръ** (вместо ранее употребительного **ликъ**). Вытесняются со временем славянские кальки и заменяются общеупотребительными грецизмами: **бл̑говѣщение** в значении ‘Евангелие’ было свойственно преславским переводам, но со временем эту кальку перестали употреблять, по-видимому, из-за синонимии с праздником Благовещения. В старославянский период также существовали локальные традиции в употреблении терминов. Так, многие моравизмы, присутствующие в кирилло-мефодиевских переводах — **олтарь**, **мыша**, **постъ** — в преславских редакциях заменяются на **жрътвьникъ**, **лнтоургия**, **алъкание**. Таким образом, совокупность литургических терминов, используемых в тексте, позволяет соотнести этот текст с определенными традициями в их употреблении и локализовать памятник.

В древнерусских пергаменных служебниках XIII—XIV вв. тексты молитв, произносящиеся священником, являются южнославянскими переводами эпохи Первого Болгарского царства, а тексты рубрик в них зачастую более поздние по происхождению. Сопоставление литургической терминологии в рубриках служебников и в канонических произведениях, имевших распространение в Древней Руси, показало, что подавляющее большинство словоупотреблений в них совпадает. Литургические рубрики южнославянских служебников XIII—XIV вв. отражают церковный узус различных южнославянских территорий XIII—XIV вв. В правленных в конце XIV в. служебниках прослеживается тенденция к унификации в употреблении литургической терминологии, устранению регионализмов и архаизмов. Литургическая терминология этих служебников сохраняется вплоть до настоящего времени.

В результате исследования списков литургии Иоанна Златоуста и Василия Великого, проведенного на базе 95 славянских служебников XIII—XV вв., были выделены три основных типа последований литургии. Первый тип — это древнерусские пергаменные служебники, в которых переводы литургии осуществлены в период Первого Болгарского царства, а тексты рубрик соотносятся с русским домонгольским церковным узусом. Второй тип — это южнославянские служебники XIII—XIV вв. периода восстановления южнославянской письменности. Третий тип — правленные последования литургии по «Уставу Божественной литургии» патриарха Филофея Коккина, распространившиеся в славянской письменности с последней четверти XIV в. [Афанасьева 2006: 253—266]. Литургические термины, употребленные в рубриках славянских последований литургий, встречаются и в древнеславянских толкованиях на литургию, которые мы также привлекали к исследованию. В данной статье мы отметим тенденции в употреблении некоторых литургических терминов в рубриках и молитвах, а также проследим хронологию их изменений.

МОЛИТВЪНИКЪ — ЕВЪХОЛОН — СЛОУЖЬБЪНИКЪ

В рукописях первого типа встречается название Евхология **МОЛИТВЪНИКЪ**, в рукописях третьего типа оно заменяется названием **СЛОУЖЬБЪНИКЪ**. Слово **ЕВЪХОЛОН** известно только по тексту Студийского устава [СДрЯ III: 179]: **СИЮ МЛѢТВУ О СЕБЕ ГЛА ГИ БѢ НАШЪ ЖИВОТВОРАЩИИ ХЛѢБЪ. НИЩИ ЕІА ВЪ ЕВЪХОЛОН** (цит. по [Пентковский 2001: 369]). В рубриках служебников оно не встречается.

В древнерусских служебниках XIII—XIV вв. Российской национальной библиотеки Соф. 522, О.п.І.4, О.п.І.5, а также New York, cod. slav. 1 название **МОЛИТВЕНИКЪ** отмечено в самом начале книги. Например, служебник О.п.І.4 начинается так: **МОЛИТОВНИКЪ ѿ БЪЖЕ ПОЧИНАЕМЪ ЧИН ЛИТОРГИИ ІѠ ЗЛАТОУСТАГО**. Этой же фразой открывается служебник О.п.І.5. **МОЛИТВЪНИКЪ** является переводом греческого слова «евхологий» (от греч. εὐχή — ‘молитва’, λέγω — ‘собираю’, т. е. сборник молитв). Слово **МОЛИТВЪНИКЪ** со значением «богослужебная книга служебник» встречаем и в канонических произведениях. Так, в древнерусском архиерейском поучении XII в. читаем: **А ЕЖЕ О КРЕЩЕНЬИ ДѢТИНЬМЪ ТО ДЪРЖИТЕ ОУ СОВЕ ОУСТАВ БЛЖНАГО НИФОНТА ТАКОЖЕ И В МОЛИТВЪНИЦѢ КАЖЕТЪ** [Павлов 1880: 19].

Согласно современной традиции, в Служебнике помещаются службы суточного круга (вечерня, утренняя, литургия), в Требнике записываются таинства и требы общественного и частного характера. Служебники древнего периода, т. е. XI—XIV вв., еще воспринимались как евхологии, и четкого разделения между служебниками и требниками не было. **СЛОУЖЬБЪНИКЪ**, по-видимому, является переводом греческого названия Λειτουργίαριον — книги, содержащей только литургии и службы суточного круга. Слово **СЛОУЖЬБЪНИКЪ** в значении ‘богослужебная книга’ появляется в конце XIV в. и впервые фиксируется в служебнике митрополита Киприана (ГИМ, Син. 601, л. 72): **СИИ СЛУЖЕБНИКЪ ПРЕПИСАНЪ ѿ ГРЕЦКЫХЪ КНИГЪ НА РОУ(С)СКИИ ЯЗЫКЪ РУКОЮ СВОЕЮ КИПРИАНЪ СМЕРЕННЫИ МИТРОПОЛИТЪ КЬЕВЪСКИИ И ВСЕА РУСИ** [Горский, Невоструев 1869: 11]. Название **СЛОУЖЕБНИКЪ** читается в служебнике Сергия Радонежского XIV—XV вв. (ГИМ, Син. 952) и в служебнике Евфимия новгородского XV в. (ГИМ, Син. 606).

В древнерусском языке старшего периода слово **СЛОУЖЬБЪНИКЪ** обозначало вовсе не книгу, а любого священнослужителя наряду со словами **НЕРЕН**, **СВАЩЕНИКЪ**, **ДЬАКОНЪ** или служителя, слугу [Срезневский III: 431; СлРЯ XI—XVII 25: 126]. В посланиях митрополита Иоанна II († 1089), созданных во второй половине XI в., читаем: **СЛОУЖЕБНИКОМЪ И НЕРѢКЪМЪ ИЖЕ ОБЛАЧАТЬСА ВЪ ПОРТЪ ИСПОДНИИ ѿ КОЖЪ ЖИВОТНЫХЪ...; ѿ ИНОГА ВЛАСТИ ВСАКОМУ СЛОУЖЕБНИКОУ БЕС ПОВЕЛЕНИЯ СВОКГО ЕППА СЛОУЖИТИ СТНИ ОЦИ ВЪЗБРАНЛАЮТЬ...** [Павлов 1880: 7, 9]. Близкое значение (слуга, служитель) у слова **СЛОУЖЬБЪНИКЪ** было в старославянском языке, причем оно встречается в памятниках чехо-моравского происхождения, например, в Житии Вячеслава [SJS IV: 121]. Это слово встречается также в молитве против

дьявола, которую А. И. Соболевский считал моравской по происхождению [Соболевский 1905: 66—78]. Мнение Соболевского разделяет В. Конзал и уточняет, что эта молитва могла быть переведена в кругу св. Мефодия [Конзал 2002: 100—101]. Отметим, что здесь слово **слоужьбьникъ** в значении ‘слуга’, ‘служитель’ употреблено в самой молитве, тогда как в древнерусских памятниках это слово известно только в канонических произведениях и не используется в молитвословиях. Действительно, в текстах молитв литургии никогда не встречаются слова **попъ** и **слоужьбьникъ**, а только **свѣщеникъ** и **иереи**, за исключением Чудовской редакции литургии, которая отличается от других редакций своеобразной техникой перевода и близка, по нашему мнению, к переводческой технике Чудовского Нового Завета [Афанасьев 2008: 190—200].

Таким образом, слово **слоужьбьникъ** как название богослужебной книги является неологизмом XIV в., который прочно вошел в церковный обиход Древней Руси и существует до сих пор. Слово **молитвьникъ** изменило свое древнее значение ‘евхологий’ и в современном церковнославянском языке обозначает сборник молитв, предназначенный для мирян, а не для священнослужителей, как это было в церковнославянском языке старшего периода.

слоужьба — литоургия

Литургия в рукописях первого типа всегда имеет название **слоужьба**. Например, в служебнике ГИМ, Син. 605 литургия Иоанна Златоуста называется **слоужьба стго златоустаго** (л. 8 об.), в ЯМЗ 15472 — **слоужьба стго ивана** (л. 1). Слово **литоургия** в древнерусских служебниках XIII—XIV вв. часто имеет более узкое значение, чем **слоужьба**, и относится к чину проскомидии, начальной части литургии. Например, чин проскомидии перед литургией Иоанна Златоуста в служебнике РНБ, Соф. 518, л. 16 озаглавлен: **чинъ литоургия. попъ хотъ рѣзати проскоуроу**. В служебнике РНБ, О.п.І.4. литургия начинается так: **ѡ бзѣ починаемъ чин литоргин іѡ златоустаго**, далее следуют молитвы иерея и чин проскомидии. Нижнее поле листа 6 об. осталось незаполненным и, по-видимому, предназначалось для заставки, а на л. 7 начинается само последование литургии. Писец таким способом отделил последование литургии от последования проскомидии, которое было озаглавлено им как **литоургия**.

В памятниках канонического содержания слова **литоургия** и **слоужьба** обычно тождественны по значению. Так, в «Вопрошании» Кирика имеется следующее правило: **а ипоумень чтетъ евангелъ на литоургии во олтари зра на западъ** [Павлов 1880: 30]. Здесь под словом **литоургия** подразумевается вся служба, а не только ее часть — проскомидия.

Глагол **литоургисати** также употребляется в рубриках служебников и в текстах канонического содержания со значением ‘совершать проскомидию’. В древнерусском служебнике XIV в. из Государственной библиотеки

Нью-Йорка (cod. slav. 1) имеет следующее заглавие: **МОЛИТВЪНИКЪ О ГОСПОДѢ ВОЗЪѢ ПОЧИНАЕМЪ. ГИ БЛ҃ВНИ ОЧ҃Е. СЛУЖБА С҃ТГО ІОАНА ЗЛАТОУСТАГО ЮЖЕ ВИДѢША С҃ТИИ ПАТРИАРСИ. ВАСИЛИИ. ГРИГОРИИ. ІІВАНЪ ЗЛАТОУСТЫИ.** На л. 1 об. читаем продолжение заголовка: **ЧИНЪ ХЕРОТОНІА СИРѢЧЬ С҃ЦНЫИ ОУСТАВЪ БЖ҃СТВНЫА ЛИТУРГІА ЮГДА КР҃БИ ХОЩЕТЬ ЛИТУРГІСАТИ.** Как видим, здесь слово **ЛИТУРГІА** имеет видовое значение по отношению к слову **СЛОУЖЬБА**. Подобное название перед чином проскомидии имеется в служебнике РГБ, Рум. 399 на л. 1, только глагол **ЛИТУРГІСАТИ** заменен на его синоним **ПРОСФ҃РМИСАТИ**: **ЧИНЪ ХЕРОТОНІА СИРѢЧЬ С҃ЦНЫИ ОУСТАВЪ БЖ҃СТВНЫА СЛУЖЬБИ ИКР҃БИ ЮГДА ХОЩЕТЬ ПРОСФ҃РМИСАТИ.** Необычным употреблением является и слово **ХЕРОТОНІА**, которое здесь также обозначает проскомидию, а не хиротонию, как в современном православном богослужении. Для нас важно сейчас отметить, что слова **ЛИТОУРГІА** и **ЛИТОУРГІСАТИ** в древнерусских служебниках так или иначе связаны с чином проскомидии, а название литургий в них всегда включает в себя слово **СЛОУЖЬБА**.

Глагол **ЛИТОУРГІСАТИ** используется в рубриках южнославянских служебников. Так, в сербском служебнике РНБ, О.п.І.10 проскомидия начинается следующей рубрикой: **ПОПЬ ХОТЕН ЛИТОУРГІСАТИ** (л. 1 об.). В рубриках древнерусских служебников чаще находим в этом значении глагол **ПРОСКОУРМИСАТИ**: **ТѦ ПРОСК҃РМИСАКТЬ ГЛ҃А СИЧЕ** (Соф. 522, л. 10 об.); **И ПО СКОНЧАНЬИ ПРОСФ҃РМИСАНЫА ПОКАДИТЬ С҃ТЫИ ПРЕСТОЛЪ** (Рум. 398, л. 9 об.), хотя глагол **ЛИТОУРГІСАТИ** известен в древнерусских канонических произведениях, например в «Вопрошании» Феоноста, а также в «Хожении» игумена Даниила. Отметим, что в контекстах, приведенных в Словаре И. И. Срезневского, слово **ЛИТОУРГІСАТИ** связано со священнодействиями на трапезе: **ЕСТЬ НА КАМЕНИ ТОМЪ С҃ТАГА ТРАПЕЗА И НА ТОИ ТРАПЕЗѢ И НЫНѢ ЛИТОУРГІСАЮТЬ; ПОДОБАЕТЬ ЛИ СВАЩАВЪ ТРАПЕЗОУ ПРЕНОСИТИ ОТЪ МЕСТА НА МЕСТО И НА НЕИ ЛИТУРГІСАТИ** [Срезневский II: 25]. В старославянских памятниках глагол **ЛИТОУРГІСАТИ** встречается в «Беседах на Евангелие» папы Григория, переведенном с латыни в западнославянских землях, но здесь оно имеет, скорее, значение 'совершать литургию': **ИЖЕ ВЪ ТРЕТНЮЮ ГОДИНОУ ЛИТОУРГІСАТЬ БѢШЕ ПРИШЕЛЪ** [SJS II: 124]. Таким образом, в древнерусском и южнославянском церковном узусе XIII—XIV вв., а точнее в литургических рубриках служебников слово **ЛИТОУРГІА** могло быть видовым по отношению к родовому понятию **СЛОУЖЬБА**, **С҃ТАГА СЛОУЖЬБА** и означать часть литургии — проскомидию.

В заглавии последования литургий Иоанна Златоуста и Василия Великого в рукописях второго типа начинает устойчиво употребляться слово **ЛИТОУРГІА**. Рукописи второго типа, такие как болгарские рукописи ГИМ, Хлуд. 117 и Увар. 46, а также сербский служебник РНБ, Q.п.І.48, имеют название **ЛИТОУРГІА ИВАНА ЗЛАТОУСТАГО, ЛИТОУРГІА С҃ТААГО ВАСИЛИА**. В рукописях третьего типа становится преобладающим название **БЖ҃(С)ТВ҃НЫА СЛОУЖЬБА**. Глагол **ЛИТОУРГІСАТИ** исчезает из церковного узуса и в рукописях третьего типа не встречается.

Таким образом, в церковнославянском языке слова **слоужьба** и **литоургия** были равнозначны, хотя слово **слоужьба** имело, несомненно, более широкую семантику, чем **литоургия**. Однако рубрики древнерусских служебников XIII—XIV вв., по нашим наблюдениям, демонстрируют развитие в это время особого значения для слова **литоургия** — ‘совершать проскомидию, совершать священнодействия над Дарами’. Возможно, такое значение появилось у слова **литоургия** под влиянием глагола **литоургисати**, имеющего как раз узкое значение «совершать священнодействия над Дарами» и синонимичного глаголу **проскомисати**.

Отметим, что в текстах молитв литургии греческие слова *leitourgia* и *leitourgein* всегда переводятся славянскими эквивалентами **слоужьба**, **слоужити**. Ни одна из редакций литургии не использует здесь для перевода грецизм **литоургия**. Не случаен, по-видимому, выбор названия **бж(с)твѣная слоужба** в последованиях третьего типа. Устранение грецизмов прослеживается в Афонской редакции и в редакции Киприана славянского перевода «Диатаксиса» Филофея Коккина, где грецизмы **потирь** и **дискось** последовательно заменяются словами **сѣга чаша** и **сѣо блюдо** [Панова 2009: 91—91].

чаша — калажь — потирь

Греческое слово *potirion* ‘сосуд для питья’ имеет в церковнославянском языке три эквивалента. Слово **чаша** зафиксировано в древнейших источниках, оно имеется в Синайском глаголическом евхологии и соответствует греческому *potirion* [Пенкова 2008: 227]. Этим же эквивалентом переводится *potirion* в «Сказании церковном», старославянском переводе Толкования на литургию патриарха Германа I. Вариант **потирь** также имеется в древнеславянских переводах, он встречается в Синайском евхологии один раз на л. 11 об. [Там же: 326], но не в молитве, а в составе литургической рубрики: **и авне речеть вънѣмѣмъ. ꙗꙗ ꙗже въздвигъ потирь рече.** По-видимому, уже в старославянский период грецизм **потирь** рассматривался как *terminus technicus*. Такой же статус был у более редкого варианта **калажь**. Он известен в македонских и сербских служебниках XIII века: Хлуд. 117 дважды на л. 22 — **въ калажь глет днак** и 42 об. — **мо(л) над калажемъ**; в служебнике Милгоста грамматика (Q.п.1.68) на л. 3 — **и потомъ покрывак калежь гать**. Прилагательное **калежьный** зафиксировано в среднеболгарском Зайковском требнике первой половины XIV в. [Мирчева 2011: 147]. Это слово отмечено в хорватском миссале Vat.illir.4 XIV века [SJS II: 7], оно является балканским латинизмом и восходит к лат. *calix* ‘чаша’. В служебниках третьего типа слово **калажь** не встречается.

Итак, общепринятой нормой для всех славянских регионов является грецизм **потирь**, и в большинстве литургических рубрик зафиксирован именно этот вариант. В древнерусских рубриках и в канонических памят-

никах **потирь** может выступать как существительное женского рода. Так, в «Постановлениях» Ильи, архиепископа новгородского, находим: **и бл҃гословитъ поп потирь одну рекѣ тако** [Павлов 1880: 77]. В служебнике Q.п.1.7 на л. 55 читается: **обращаѣса с потирью. гл҃ть.**

Следует отметить, что слово **потирь** никогда не встречается в текстах молитв, здесь *лотѣрион* переводится как **чаша** во всех редакциях литургии, как в древнейшей, так и в переводах XIV века. Отметим также, что в Толковании на литургию патриарха Германа, переведенном ближайшими учениками Кирилла и Мефодия, *лотѣрион* также передается славянским эквивалентом **чаша: чаша ксть паки по гребѣ иже кънижъни моудрости** (ГИМ, Син. 262, л. 254 об.). Таким образом, мы можем предположить, что в церковнославянском языке древнего периода эти два слова функционировали по-разному: славянский вариант **чаша** был нормой для молитвенных текстов и песнопений, а грецизм **потирь** употреблялся в канонических памятниках (например, он частотен в «Вопрошании Кирика»), в литургических рубриках, уставах и был распространен в церковном обиходе. Возможно, именно это различие в употреблении указанных слов было основной причиной того, что Афонская редакция «Диатаксиса» передает греческое слово *лотѣрион* только как **стага чаша**, а не **потирь**, как другие редакции [Панова 2009: 91—92].

миса — блюдо — дискось

Все три слова используются для передачи греческого *δίσκος* с древних времен, однако сфера их употребления различается. Слово **дискось** не зафиксировано в старославянских памятниках, однако оно регулярно употребляется в древнерусских канонических произведениях — в «Вопрошании» Саввы XII в.: **а попъ тѣломъ оучинитъ г҃ кресты на дискось... и положить на дискось ис правоу роуки...**, в «Постановлениях» новгородского архиепископа Ильи: **оже мышь начьнетъ грызть дискось оу слоужбы** [Павлов 1880: 54, 78]. **Блюдо** очень распространено в старославянских памятниках и является более частотным, чем вариант **миса**, встречающийся лишь в некоторых старославянских памятниках западного происхождения, прежде всего в Мариинском евангелии [Львов 1966: 58—64]. Однако в старославянских евангелиях **блюдо** и **миса** переводят греческое слово *πίναξ* 'доска'. Только в «Сказании церковном», древнеболгарском переводе Толкования на литургию патриарха Германа I, находим слово **миса** и **блюдо** в соответствии с *δίσκος*. **Миса**, по-видимому, первоначальное чтение, оно имеется в старшем списке перевода, ГИМ, Син. 262 (л. 254 об.): **а миса ксть за роукоу носифовоу и никодимовоу погревьшима х҃а**. Более поздние списки памятника — Венский конца XIII в. и Барсовский первой половины XIV в. — содержат на этом месте слово **блюдо**. Вариант **миса**, таким образом, следует признать древним западноболгарским регионализ-

мом, который в дальнейшем перестал употребляться в церковнославянском языке.

В древнерусских служебниках в рубриках чинопоследования литургии наряду со словом **дискось** употребляется **блюдо дорное**, причем эти два слова зачастую противопоставлены друг другу, например: **положить просфору на блюде дорнем а не на дискосе** (ЯМЗ 15472, л. 7; ГИМ, Воскр. 7, л. 9, О.п.1.4, л. 3). В южнославянских служебниках находим схожие указания, только здесь употребляется **блюдо анафорно**: **діаконъ же оуготовляеть просфоры и блюдо анафорно** (Погод. 37, л. 6). По-видимому, слово **дискось** имело значение любой плоской посуды круглой формы. Для литургического дискаса, на котором приготавливаются просфоры, предпочтению отдавалось славянскому варианту.

Как видно из приведенных примеров, грецизм **дискось**, видимо, имел терминологическое значение и употреблялся в значении литургического дискаса только в древнерусских канонических памятниках домонгольского периода. Наиболее универсальным для передачи греческого слова *δίσκος* было слово **блюдо**, однако в рубриках служебников XIII—XIV вв. оно зачастую конкретизировалось относительным прилагательным: **блюдо дорно**, **блюдо анафорно**. В правленных служебниках XIV в., в особенности в Афонской редакции «Диатаксиса», *δίσκος* всегда переводится как **стое блюдо**. Славянский эквивалент также характерен для русской редакции «Диатаксиса». Только редакция Евфимия Тырновского, единственная из всех правленных редакций, сохраняет грецизм **дискось** [Панова 2009: 92, 134].

**причастіе (причаститисѧ) — приѧтіе (приѧти) —
пріовѧщеніе (пріовѧщатисѧ) — комѧканіе (комѧкати)**

Как литургические термины слова **причастіе** и **приѧтіе** употребляются в старославянском языке в одном и том же значении — ‘получать причастие, причащаться’. В Синайском евхологии встречаются оба этих слова в соответствии с греческими глаголами *μεταλαμβάνω* и *μετέχω*, имеющими значение ‘причащаться’ [Пенкова 2008: 236]. Греческий глагол *κοινωνέω* и существительное *κοινωνία* в последованиях литургии первого типа переводятся как **причастіе**, но в рукописях второго типа они часто заменяются синонимами **пріовѧщатисѧ**, **пріовѧщеніе**. В последованиях литургии третьего типа намечается тенденция разделять все три синонима при переводе. В редакции Евфимия Тырновского эта тенденция прослеживается отчетливее всего, однако не выдерживается полностью: слово **причастіе** соответствует греческому *μετάληψις*, **приѧти** чаще всего соотносится с глаголами *μετέειν* и *μετασχεῖν*, для *κοινωνί* и *κοινωνεῖν* последовательно употребляются эквиваленты **пріовѧщеніе** и **пріовѧщатисѧ**.

Слово **комѧканіе** встречается гораздо реже, чем **причастіе** и **приѧтіе**. В Синайском евхологии оно отмечено два раза в литургической рубрике, а

не в молитвословии: **и комъкаетъ ѣ оба и по комъканьи иметъ ꙗꙗ за ржж старѣишааго** (л. 11 об.). Среди старославянских памятников оно употребительно лишь в Супрасльской рукописи [SJS II: 44]. Это слово отмечено в «Законе судном людем», памятнике моравского происхождения: **чернѣцю оуне ксть ходити. ꙗ. лѣ(ѣ) не комкаше. нежели комъкати ѿ мирьскаго попа** [Максимович 2004: 156]. В «Вопрошании» Кирика слова **комъкати** и **причащатисѧ** употребляются как синонимы: **оже не азъ сѧ боудеть причащати лѣто или пол лѣта то ополоснѣтисѧ вечерѣ а наутриѣ комъкати** [Павлов 1880: 34].

Слово **комъканье** является латинизмом (от нар.-лат. *communicare*), оно, по мнению Ягича, было заимствовано в Моравии из языка немецких проповедников [Jagić 1913: 203]. Впоследствии это слово распространилось в славянской письменности как эквивалент греческого *κοινωνία* и укрепилось в южнославянских и древнерусских памятниках [Максимович 2005: 133—135]. Важно отметить, что в последовании литургии слово **комъканье** никогда не встречается в текстах молитв, оно имеется только в литургических рубриках служебников: **по хотѣ комкати собѣ и дѣтем** (РНБ, Q.п.1.67, л. 26), **възъмъ по комканье** (ГИМ, Син. 604, л. 18). В последованиях второго и третьего типа это слово вытесняется из рубрик и заменяется на **причастие**.

Таким образом, литургический термин **причастие** был наиболее универсален, он употреблялся как в молитвословиях, так и в церковном обиходе. Существительные **приятие** и **привъщение**, как и производящие глаголы **прияти** и **привъщение**, были литературными и метафорическими, они появились в старославянский период для передачи греческих синонимов *μετέχω* и *κοινωνέω*, но, по-видимому, не были употребительны в церковном обиходном языке XI—XIV вв. Латинизм **комъканье**, широко распространенный на Балканах, напротив, никогда не использовался в царском тексте, а имел бытовое назначение.

ОЛТАРЬ — ЖРЬТВЬНИКЪ

Служебники всех трех типов демонстрируют, что слово **олтарь** (от лат. *altare*) для передачи греческого *θυσιαστήριον* вытесняется и последовательно заменяется словом **жрѣтвѣникъ**, которое точнее отражает значение греческого слова *θυσία* ‘жертва’. Слово **олтарь** продолжает употребляться, но в другом смысле — в значении алтарного пространства в соответствии с греческими *ἱερατεῖον* или *τὸ βῆμα*. Именно эти греческие слова регулярно переводятся славянским **олтарь** в «Диатаксисе» Филофея, особенно в Афонской редакции [Панова 2009: 94, 138].

Древнейший славянский евхологий — Синайский — еще сохраняет слово **олтарь** для передачи греческого *θυσιαστήριον*, но наряду с этим значением у него уже формируется новое в соответствии с греческими словами *βῆμα*, *ἀγιαστήριον* [Пенкова 2008: 197]. В последованиях литургии первого

типа также намечается тенденция разделять понятия **олтарь** и **жрътвьникъ**. Так, например, в служебнике ЯМЗ 15472 на л. 7 читаем: **и покадитъ олтарь весь. и пришедъ къ жертвеннику прекр(с̄)титъ кр(с̄)тоуобразно гла;** л. 17: **вшедъ стль въ олтарь и вземъ г̄ свещи.** Появляется словоупотребление **малын олтарь**, которое имеет значения ‘дьяконник’ и ‘скевофилакия’, т. е. боковые части алтарного пространства, предназначенные для хранения утвари и одежды (скевофилакия) и для приготовления проскомидии (дьяконник). **Малын олтарь** встречаем в некоторых древнерусских служебниках — Q.п.I.67, л. 2: **стль в маломь олтари хотан рѣзати проскоуруу. въспоминание творимъ.** Таким образом, последования литургии демонстрируют постепенное изменение первоначального значения этого слова и переосмысление его как алтарного пространства. Однако изначально слово **олтарь** имело значение престола, на котором совершается евхаристическая жертва. В этом значении употребляется оно в «Сказании церковном» — старославянском переводе Толкования на литургию патриарха Германа I: **олтарь ксть идеже положиша х̄а. на немъже лежить врьхоу истиньный небесьскыи хлѣбъ х̄съ** (ГИМ, Син. 262, л. 238). В текстах молитв литургии первого и второго типов мы также часто находим **олтарь** в значении ‘жертвенник’, потому что перевод молитв относится к старославянскому периоду и частично сохраняет охридскую переводческую норму: **и прими е въ прене(с̄)ныи твои олтарь** (Хлуд. 117, л. 2; Q.п.I.48, л. 8 об.) — καὶ πρόσδεξι αὐτῆν εἰς τὸ ὑπερουράνιον σου θυσιαστήριον. Македонская рукопись Хлуд. 117 и сербский список Q.п.I.48 сохраняют древнее чтение, остальные списки заменяют его на **жрътвьникъ**.

с̄ввитое — платъ / платъць — илнтонъ

Слово **с̄ввитое** ‘илитон — четырехугольный плат, в который завертывается антиминс’ является семантической калькой греческого τὸ εἰλητόν, что буквально означает ‘свитое, сложенное’ (от греч. εἶλω ‘свиваю’). Это слово встретилось в древнеславянском переводе Толкования на литургию патриарха Германа I: **с̄ввиток павлакть плащаницу. юже обито въ тѣло х̄во** (ГИМ, Син. 262, л. 252). **С̄ввитое**, несомненно, старославянский термин (не зафиксированный в SJS), который не получил широкого распространения в церковнославянском языке. Он встречается в четырех древнерусских служебниках: ЯМЗ 15472 (л. 108), ГИМ, Син. 600 (л. 28) РНБ, Соф. 525 (л. 14 об.) и Солов. 1016/1025 (л. 59 об.), а также один раз в одном среднеболгарском — Увар. 46 на л. 23 об. В древнерусских служебниках более частотным вариантом является грецизм **илнтонъ**. Этот же вариант читается и в древнерусском Толковании на литургию «Слово о церковнем сказании» [Афанасьева 2011: 12—13]: **илнтонъ есть плащаница еюже свитъ нвсифъ х̄а** РГБ, ТСЛ 11, л. 31. В переводах литургии эпохи Второго Болгарского царства слово **с̄ввитое** не встречается (кроме упомянутого выше единственного случая в Увар. 46), всегда употребляется грецизм **илнтонъ** или **илнтонъ**.

Стоит отметить еще один вариант для греческого εἰλητόν, известный в ряде южнославянских служебников XIV в., — **платъ**. Словосочетание **сѣгвеныи платъць** зафиксировано в сербском литургическом свитке Vat.slav.9 середины XIV в. В сербском списке литургии Иоанна Златоуста Q.п.I.48 на л. 20 об. находим другой вариант: **платъно простръто — мо(л) о вѣрныхъ прѣва по прострени платъна прострътаго**. В рукописи Увар. 46 также содержится вариант **платъ: мѣтва по простръѣнии плата** (л. 23 об.). В некоторых сербских рукописях Афонской редакции «Диатаксиса» также имеется термин **платъ, платъць**. Видимо, в южнославянском литургическом узусе было много вариантов для обозначения илитона, но в рукописях третьего типа, и прежде всего в редакциях Евфимия Тырновского и митрополита Киприана, все эти варианты были устранены и заменены единым термином — **илитонъ**.

соударь — покровъць

Слово **соударь** является грецизмом (от греч. σουδάριον) и известно уже в старославянских памятниках. Оно зафиксировано в Мариинском, Ассеманиевом и Остромировом евангелиях в значении ‘платок’ [SJS IV: 412]. Как его синоним выступает слово **оувроуць**. В текстах литургии первого типа встретилось терминологическое употребление слова **соударь** как ‘покроец’, которым накрывают Святые Дары после совершения проскомидии. В литургических рубриках служебников этот грецизм используется достаточно редко. Так, в рукописи РНБ, Соф. 522 на л. 26 об. читаем: **и поставитъ поп сѣѣа дары на пр(с)тѣѣ и покрыветъ сундарем**. В служебнике ГИМ, Воскр. 8, л. 8: **диакон аминъ покрываѣа соударемъ**. Этот же литургический термин употребляется в древнерусских толкованиях на литургию. Например, в «Толковой службе» по Новгородской кормчей 1282 г. на л. 569 об. находим такое толкование: **а соударъ въ оувроуса мѣсто иже бѣ на главѣ кго**. Обращает на себя внимание неэтимологическое вставное *-н-* в рубриках служебника Соф. 522. С таким же вставным *-н-* встречаем это слово в «Слове о церковнем сказании», русском переводном Толковании на литургию [Афанасьева 2011: 12—13]. Здесь мы читаем: **потирь калима. е(сть) сундаръ мѣс(то). и(же) бѣ на главѣ его** РГБ, ТСЛ 11, л. 30 об. Форма со вставным *-н-*, скорее всего, особенность русского произношения этого грецизма. Этимологически здесь не было носового гласного, и южнославянские памятники всегда передают этот грецизм без *-н-*.

оукропъ — теплота

Слово **теплота** соответствует греческому литургическому термину ζῆτος — теплая вода, которая в византийской традиции добавляется в потир

с вином. Вариант **оукропъ**, видимо, более древний: он встречается только в последованиях литургии первого и второго типов, притом весьма часто. Например, в служебнике РНБ, Соф. 523, л. 43 об.: **и лыкъть оукропъ в потиръ и поп глеть**; в служебнике РГБ, Рогож. Кладб. 566, л. 31: **дыакон вливакть оукроп рече. исполни ѿче чашю сию** [Слущкий 2006: 249—250]. В южнославянских служебниках это слово также часто употребляется, например, в служебнике Милгоста грамматика XIII в., л. 44: **бл҃гви бл҃дко оукропъ. а попь топлота ст҃го д҃ха**.

В старославянских памятниках слово **оукропъ** со значением «суп» встречается в Супрасльской рукописи [SJS IV: 630] в соответствии с греческим $\epsilon\upsilon\chi\rho\acute{\alpha}\tau\iota\omicron\nu$ ‘хорошо перемешанный, смешанный’ [Sophokles: 537]. Это же слово, но со значением ‘теплая вода’ было распространено в древнерусских памятниках различных жанров: летописях, житиях, канонических произведениях [Срезневский III: 1188—1189], например, в «Постановлениях» архиепископа Ильи новгородского: **и причастатъся по обычаю оукропа вливъ** [Павлов 1880: 77]. Единственный контекст, содержащий в Словаре Срезневского греческую параллель к слову **оукропъ**, взят из Синайского патерика XI в. Здесь, как и в Супрасльской рукописи, слово соотносится с $\epsilon\upsilon\kappa\rho\tau\omicron\varsigma$. Таким образом, можно предположить, что у слова **оукропъ** значение ‘теплая вода’ либо вторично, либо это слово имело региональные различия в значении. В сербских церковнославянских памятниках **оукропъ** в значении ‘горячая вода’ употребительно до XVII века [Miklosich: 1047] и по сей день используется в фольклоре [Даничић III: 363]. Возможно, в восточноболгарских памятниках, к которым принадлежат Супрасльская рукопись и Синайский патерик, **оукропъ** употреблялся в значении ‘что-то перемешанное, смесь’. Если учесть, что вино для причащения представляет собой смесь вина и теплой воды, тогда слово **оукропъ** в значении ‘смесь’ могло использоваться как литургический термин. В литургии второго и третьего типа заметно, что **оукропъ** как литургический термин постепенно вытесняется из употребления и заменяется на слово **топлота/теплота**, поскольку оно точнее передает греческий литургический термин $\zeta\eta\sigma\iota\varsigma$. Отметим также, что слова **оукропъ** и **теплота** варьируются только в рубриках. Во фразе (словесной формуле), произносимой священником, когда он вливает теплую воду в вино, произносится только **теплота: теплота ст҃аго д҃ха**.

сѣнь, сѣньца — звѣзда, звѣзднца

Слово **сѣнь**, **сѣньца** означает литургическую «звездицу» (греч. $\acute{\alpha}\sigma\tau\epsilon\rho\acute{\iota}\sigma\mu\omicron\varsigma$) — две металлические крестообразно соединенные дуги, которые ставят на дискос над хлебом, чтобы покровцы не касались его. В исторических словарях слово **сѣнь** в подобном значении не зафиксировано. В старославянских памятниках оно имеет значение ‘тень’, а также ‘жилище, шатер’ в соответствии с греческими словами $\sigma\eta\acute{\iota}\alpha$, $\sigma\eta\eta\nu\acute{\iota}$ [SJS IV: 385—

386]. Те же значения приведены в словарях И. И. Срезневского и Ф. Миклошича [Срезневский III: 897—898; Miklosich: 972]. В Словаре русского языка XI—XVII вв. приведено гораздо больше значений: ‘постройка на столбах’, ‘навес’, ‘мрак’, ‘темнота’, ‘видимость’, ‘подобие’, — но значение ‘литургическая звезда’ не упомянуто [СлРЯ XI—XVII 24: 72—73]. Как литургический термин это слово, на наш взгляд, является переосмыслением значения ‘шатер, скиния’. Подтверждением этому служит литургическое толкование слов **сѣнь** и **аеръ**, которое находится в Новгородской кормчей (ГИМ, Син. 132, л. 570): **сень (!) ксть ребра гна ... аеръ ксть облакъ неб(с)ныи нже надъ сѣнью първаго закона**. Из символических значений видно, что звезда здесь символизирует скинию, а аер покрывает звездицу подобно небесному облаку.

Слово **сѣнь** (**сѣньца**) часто встречается в рукописях первого и второго типа. Так, находим его в сербском списке литургии Иоанна Златоуста Q.п.І.48, л. 8 об. — 9: **и поставлакъть сѣньцоу надъ ним и покриваетъ покровомъ свръхъ сѣньце влюдным**; в сербском списке литургии Василия Великого Q.п.І.68, л. 2 об.: **и потомъ поставитъ сѣньцоу и покриваетъ покровомъ**. Находим это слово и в русских служебниках первого типа — в рукописи РГБ, Рум. 398, л. 11—11 об.: **и вземъ сѣнь поставлаеть на дискосѣ гл̄а. ставитъ сѣнь стго д̄ха**; в служебнике Q.п.І.67, л. 4 об. читаем: **и вземъ сѣнца покриваа стое блюдо глетъ. се звѣзда уже видѣша на вѣстоцѣ**; в О.п.І.4, л. 5 об.: **и вземъ сѣньца поставитъ на дискосѣ гл̄а се. сѣнь стго д̄ха**.

Слово **звѣзда** как более точный перевод греческого *ἀστερίσμος* появляется только в некоторых рукописях второго типа. Так, в списке Увар. 46 находим: **и вземъ звѣздаж покадит гл̄а. гоу помлимса. словомъ гнимь небса оутвердишжа и д̄хмъ ѡстъ его вѣса сила нхъ. и поставлаѣж глет. се звѣзда жже видѣшж на вѣстоцѣ** (л. 12). В рукописях третьего типа слово **сѣнь** в значении «звезда» уже не употребляется.

проскоурмисати — проскомисати

Эти два словообразовательных варианта передают греческий глагол *προσφομίσειν* ‘приносить’ и имеют очень узкое значение — ‘приготавливать просфоры для освящения их на анафоре’. Тем не менее в славянской литургической письменности вариант **проскоурмисати** имеет локальное распространение. Первый вариант отражает паронимическую аттракцию существительного **проскоура** или **просфоура** ‘просфора’ и глагола **проскомисати**. Этот вариант является древнерусским и широко распространен в древнерусских служебниках и канонических памятниках. В «Вопрошании» Кирика встречаем это слово в следующем контексте: **тако же и неосвѣщенна просфоура достонит рече проскоурмисати за двѣ недѣли; аще грѣхомъ оупоуститъ проскоуруу на землю достонитъ ли проскоурмисати**

[Павлов 1880: 51, 53]. Отглагольное существительное **проскоу́рмисание** встречается в богослужебных указаниях к литургии Иоанна Златоуста в древнерусских служебниках XIV в., например, РГБ, Рум. 399, л. 7 об.: **а се проскоу́рмисаа въ ч(с)ть и славоу́ і́мркъ**; РГБ, Рум. 398, л. 1: **ерѣи егда хоцеть просфурмисати авне входа в цркъв**. Регулярно оно употребляется в древнерусских канонических произведениях.

В южнославянской письменности это слово зафиксировано в иной форме — **проскоу́мисати/проскоу́мисовати** или **проскомисати** (от греческого глагола *просκομιζειν*). Так, в рукописи ГИМ, Увар. 46 на л. 9 об. находим: **потом проскоу́мисоует другжж просфорж**, на л. 12: **и скончавъ проскомисание вложит ѳемнианъ и кадит сѣѣж дары**. В уставе литургии в служебнике Погод. 37. на л. 8 читаем: **еще ли соутъ много просфурь проскомисуѣтъ и діак**. Иногда эта форма встречается в русских рукописях. Так, в служебнике РНБ, Соф. 518 конца XIII в. на л. 17 об. читается: **а се проскоу́мисаа выкмлетъ прѣже ісѣ. то(ж) сѣмоу. то(ж) цркви**. Таким образом, эта форма была употребительна в южнославянском церковном узусе и известна в древнерусском. Но форма **проскоу́рмисати** была русская, она не встречается в южнославянских рукописях.

В «Диатаксисе» патриарха Филофея Коккина глаголы **проскоу́мисати** и **проскоу́рмисати** не встречаются, они полностью выходят из употребления как устаревшие слова, вместо них используется выражение с новым гречизмом **проскомидна: творити проскомидню**. Возможно, это связано с тем, что обряд проскомидии кодифицируется и все действия священника и дьякона во время приготовления Даров регламентируются. Глагол же **проскомисати** имел слишком общее значение — ‘приготавливать просфоры’, поэтому уже не был востребован в православной церкви и вышел из употребления в церковнославянском языке.

Итак, подводя итоги наблюдениям над употреблением литургической терминологии в славянских служебниках XI—XV вв., можно сделать следующие выводы.

Употребление литургических терминов в языке молитвословий литургии и в церковном обиходе (язык рубрик в служебниках) имело большие различия. Для текстов молитв нормы употребления были более устойчивы и имели общеславянское распространение. Термин **олтарь** в значении ‘жертвенник, на котором приносится евхаристическая жертва’ (греч. *θυσιαστήριον*) в сакральном тексте сохраняется гораздо дольше, чем в текстах рубрик. Слово **олтарь** в этом значении исчезает из текста литургии только в конце XIV в. в последованиях литургии третьего типа. **Олтарь** в значении ‘алтарное пространство в церкви’ употребляется в рубриках уже с XI в., о чем свидетельствует Синайский евхологий и тексты канонического содержания, прежде всего «Вопрошание» Кирика XII в.

В молитвах литургии оказываются неупотребительными такие варианты, как **пчтирь**, **дискось**, **комъканне**, **литоу́ргна**, в них всегда используют

ся их славянские синонимы **чаша**, **блюдо**, **причастие**, **слоужьба**. В свою очередь, слова **приѣтие** и **приобъщение** никогда не фигурируют в текстах рубрик, вместо них используются слова **причастие**, а в служебниках первого типа — **комъканіе**. Подобные различия объясняются, на наш взгляд, тем, что в средневековой книжности нормы богослужебного текста и нормы церковного обихода различались и зачастую были противопоставлены. Грецизмы, широко распространенные в церковном обиходе, в сакральные тексты, по-видимому, не допускались и проникали туда крайне редко. Отметим также, что литургическая терминология западного происхождения **попъ**, **комъканіе**, **калажь** всегда встречается только в текстах рубрик и никогда не употребляется в молитвах литургии, а в правленных последованиях конца XIV в. исчезает и из рубрик. Это косвенным образом может свидетельствовать о том, что первый славянский перевод литургий был осуществлен не в Моравии. Моравская и паннонская литургическая терминология, с раннего времени и широко используемая на Балканах, в перевод молитв литургии никогда не проникала. Напротив, в молитвах моравского и вообще западного происхождения западная литургическая терминология весьма свободно употребляется в молитвенном тексте. Так, в молитве против дьявола, упомянутой выше, употребительно слово **слоужьбъникъ** в значении ‘служитель, слуга’: **илиа прѣоче стѣи слоужьбниче бжии. ѿкоже ревеникъмъ гднемъ прогнавъ ѿ изрла. погоубивъ меръзъкыа слоужьбники неприазнины съ вѣми дѣтелми юго** [Конзал 2002: 109]. В Киевских глаголических листках, как в молитвах, так и в рубриках, встречаем слово **вѣсждъ** ‘причастие’: **по вѣсждѣ · вѣсжда твоего гѣ настиции просимъ тѣа...** [Німчук 1983: 122].

Некоторые литургические термины, такие как **стѣнь**, **оукропъ**, **соударь**, **сѣвитое**, становятся неупотребительными в результате исправления литургии по «Диатаксису» патриарха Филофея Коккина в третьей четверти XIV в. Ряд терминов были заменены на слова, точнее передающие греческие термины: **стѣнь** на **звѣзда** (*ἀστερίσκος*), **оукропъ** на **теплота** (*ζῆσις*). Грецизм **соударь** был вытеснен славянским вариантом **покровьць**, славянизм **сѣвитое** — грецизмом **илитонъ**. Термины **проскоурмисати/проскомисати/литоургисати**, имевшие общее значение ‘совершать проскомидию’, вытесняются в результате реформирования этого обряда в конце XIV в. и формирования последования проскомидии, что вызвало появление нового грецизма **проскомидна**.

Л и т е р а т у р а

Афанасьева 2006 — Т. И. Афанасьева. Южнославянские переводы литургии Иоанна Златоуста // Многократните преводи в Южнославянското Средновековие. София, 2006. С. 253—266.

Афанасьева 2008 — Т. И. Афанасьева. Чудовский литургиарий 3-й четверти XIV в. // ТОДРЛ. Т. 59. СПб., 2008. С. 190—200.

Афанасьева 2011 — Т. И. Афанасьева. «Слово о церковном сказании» как древнерусский перевод домонгольского периода // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2011. № 3 (45). С. 12—13.

Горский, Невоструев 1869 — А. В. Горский, К. И. Невоструев. Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. Отд. III: Книги богослужбные. Ч. 1. М., 1869.

Конзал 2002 — В. Конзал. Старославянская молитва против дьявола. М., 2002.

Львов 1966 — А. С. Львов. Очерки по лексике старославянских памятников. М., 1966.

Максимович 2004 — К. А. Максимович. **Законъ судьныхъ людьмъ**. Историко-лингвистические аспекты исследования славянского юридического памятника. М., 2004.

Максимович 2005 — К. А. Максимович. Региональные лексические архаизмы в моравских книжно-славянских памятниках // Русск. яз. в науч. осв. 2005. № 1 (9). С. 116—162.

Мирчева 2011 — Д. Мирчева. **Чинь попъ прѣставленнъ** от требници от XVII век // Studia mediaevalia Slavica et Byzantina. Смертта и погребението в юдеохристиянскага традиция. София, 2011. С. 134—154.

Німчук 1983 — В. В. Німчук. Київські глаголичні листки. Київ, 1983.

Павлов 1880 — А. С. Павлов. Памятники древнерусского канонического права (памятники XI—XV вв.) // Русская историческая библиотека. Т. 6. СПб., 1880.

Панова 2009 — С. И. Панова. Диатакис патриарха Филофея Коккина в славянской книжной традиции XIV—XV вв.: лингвотекстологическое исследование: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2009.

Пенкова 2008 — П. Пенкова. Речник-индекс на Синайския евхологий. София, 2008.

Пентковский 2001 — А. М. Пентковский. Литургическая терминология в византийско-славянской контактной зоне // Становление славянского мира и Византия в эпоху раннего средневековья. XX конф. памяти В. Д. Королюка. М., 2001. С. 87—90.

Слущкий 2006 — А. С. Слущкий. Византийские литургические чины «Соединения Даров» и «Теплоты» // Византийский временник. 2006. Т. 65 (90). С. 126—145.

Соболевский 1905 — А. И. Соболевский. Несколько редких молитв из русского сборника XIII в. // ИОРЯС. Вып. 10. 1905. № 4.

Jagić 1913 — V. Jagić. Entstehungsgeschichte der kirchenslavischen Sprache. Berlin, 1913.

С л о в а р и

Даничић — Ћ. Даничић. Рјечник из књижевних старина српских Т. 1—3. Београд, 1863.

СДРЯ — Словарь древнерусского языка (XI—XIV вв.). Т. 1—8. М., 1990—2008.

СлРЯ XI—XVII — Словарь древнерусского языка (XI—XVII вв.). Т. 1—28. М., 1975—2008.

Срезневский — И. И. С р е з н е в с к и й. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 1—3. СПб., 1893—1912.

Miklosich — F. M i k l o s i c h. Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum. Wien, 1862—1865.

SJS — Slovník jazyka staroslověnského. Praha, 1958—1989 (репринт: в 4-х т. СПб., 2006).

Sophocles — E. A. S o p h o c l e s. Greek Lexicon of the Roman and Byzantine Periods. New-York, 1900 (репринт: Hildesheim 1992).

T. I. AFANASJEVA

**LITURGICAL TERMINOLOGY IN SLAVIC SLUZHEBNIKS OF THE
XIII—XV CENTURIES: THE EVOLUTION OF THE LITERARY NORMS**

This article analyzes the use of liturgical terminology in old Slavic sluzhebniiks (missals). The usage of words of Latin and Greek origin and their Slavic equivalents are described for different historical periods. Particular attention is paid to the Moravian liturgical terminology and its function in the texts of liturgical prayers and rubrics.

Keywords: Old Slavonic sluzhebniiks, liturgical vocabulary, greek, latin and moravian words using in liturgical terms.